

Валерий Тимофеев

Фирма "ЛЭН и ЛЭНА"

Валерий Тимофеев
Фирма «Лэн и Лэна».
Подпольные мужички – 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21618578

ISBN 9785448331671

Аннотация

«Фирма «Лэн и Лэна» – вторая книга сериала про «Подпольных мужичков». Спрос на мужичков так велик, что пришлось открывать мастерскую по их производству. И все бы хорошо, но как-то работники заигрались, набедокурили, подмочили мозговые опилки, и вышел брак. Что теперь делать Сказочнику и его верному Лэну? В серию входят сказки: «Подпольные мужички», «Фирма «Лэн и Лэна», детективы для детей «Сыщик Гош» и «Охота на оборотня», фантастические повести «Солнцепровод» и «Верхом на Комете».

Содержание

Глава 1. Есть идея	6
Глава 2. Мастерская Лэна	15
Глава 3. Производственный брак	25
Глава 4. Бук и Бяк	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Фирма «Лэн и Лэна»

Подпольные мужички – 2

Валерий Тимофеев

Иллюстратор Родион Борисович Танаев

© Валерий Тимофеев, 2017

© Родион Борисович Танаев, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-3167-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Есть идея

Утром я прихожу на работу в свой подвальный кабинет в Доме Музыки «Пионер».

Первым делом включаю самовар, – вдруг кто-то в гости пожалует. Затем только расчехляю печатную машинку и сажусь писать сказки.

Здесь в любую, даже самую жаркую погоду, прохладно. А еще тихо и уютно, не слышно грохота трамваев и визга тормозов машин. Если и проникают в мою каморку какие-то посторонние звуки, то это звуки музыки. Одним словом работается легко и плодотворно.

Закончив книгу о «Подпольных Мужичках», я уже всерьез думал – буду писать новую сказку, про новых героев. Вон, например, про «Умную Ворону» первые наброски уже сделал. Или, может, вы хотите, чтобы я про «Дерево Желаний» вам рассказал? А еще про «Сына Ведьмы» задумал написать. Тут мне серьезно собраться нужно, все-таки сказочный да еще и мистический роман. Его я и за целый год сделать не успею. Да мало ли в моей голове, в моих мозговых опилках, придумок спрятано?

– А мужички как же? – спросите вы.

А никак! Выросли!

Я их придумал?

Придумал.

Выпустил в мир?

Выпустил.

Пусть теперь живут своей жизнью.

Это как детки, – сколь долго их возле себя ни держи, сколь от бед и забот не оберегай, когда-то все равно придется отпустить в самостоятельное плавание.

Вот и я, считайте, что простился со своими подпольными мужичками. Не в том смысле, что распрощался и забыл их навсегда. А в том смысле, что писать мне о них больше нечего и незачем. Захотят – сами о себе расскажут, все ж таки люди грамотные, книжками под самую завязку начитанные.

Так я думал до сегодняшнего дня.

А сегодня...

В мои планы бесцеремонно вмешался Лэн.

Я уже несколько раз заставлял его по утрам за моим рабочим столом. Точнее, на моем рабочем столе. Не подумайте, что я за эту бесцеремонность на него сердился или даже обижался. Совсем нет. У нас просто, без церемоний. Надо – сиди, хочешь чаю – наливай и пей, я и слова не скажу, наоборот, всякому гостю только рад. А уж любимым мужичкам – вдвойне. Нам всегда есть о чем поговорить.

Вот и сегодня опять прихожу, а он тут как тут, еще раньше меня явился. Справа стоит чашка с дымящимся чаем, слева на блюде оставленная мной с вечера булка с маком – любимое его кушанье. А перед глазами та самая злополучная тетрадь, в которую я заявки на Подпольных Мужичков при-

нимаю.

Я в эту тетрадь записываю, а он из нее на свои листочки выписывает и что-то под нос себе бурчит – то ли почерк мой торопливый с трудом разбирает, то ли какая другая причина для бурчания у него есть.

Принимать-то заявки я принимаю, но сам точно знаю, никогда всем этим заявкам не быть выполненными, потому как мало их у меня, мужичков этих. Вернее, не мало, а раздва и обчелся. Гош на секретном задании, Сав и Кат совсем от рук отбились, целыми днями где-то пропадают. Начну спрашивать:

– Где были? – отмахиваются:

– Потом скажем.

– Что-то серьезное задумали?

– Пока не знаем, – и опять исчезают на несколько дней.

Остается из старичков один Лэн. Да пара молодых в придачу: Ван и Хван. С них спрос маленький, им еще обучение проходить, прежде чем в настоящую жизнь выпускать.

Вот такая вот у нас математика.

Сажусь я на стул рядом с Лэном, чай себе наливаю.

– Что думаешь? – спрашиваю.

– Я не думаю, – признается Лэн. – Я распределяю заявки.

– Как распределяешь?

– Вот тут, – показывает на исписанный его неровным крупным почерком листок, – дела неспешные. Они и подождать могут, – с этими словами сворачивает листок вдвое

и прячет его под скатерть. – Здесь, – показывает мне второй листок, – дела несложные, терпеливо-текущие, на них я поочередно то Вана, то Хвана посылаю.

– Справляются?

– Всяко бывает, – признается Лэн. – А иначе не научишь.

– Тут ты прав, – поддакиваю я и к месту вставляю пословицу. – Не сделав сначала плохо, не научишься делать хорошо.

– А вот эти заявки срочные, – вздыхает Лэн, потому что листов исписанных в его руке слишком много. – Тут я, как скорая помощь, сам выезжать должен.

– И много ты уже успел?

– Какой! – качает Лэн головой. – Мне бы помощников, душ так с сотню.

– С сотню? – не поверив своим ушам, переспрашиваю я. – Не лишка загнул?

– В самый раз, – не скромничает Лэн и мечтательно закатывает глаза. – Вот тогда я бы по-настоящему развернулся.

И так на меня посмотрел, словно это я виноват, что нет у него сотни помощников, а есть только эта тетрадь, читать которую без слез невозможно – так кричат ее страницы, так просят о помощи.

– Ох, – говорю я, – хитрая твоя душа, Лэн.

– Так прямо и хитрая! – улыбается во всю ширь бородастого лица.

– Ты, наверное, думаешь своей головой, сейчас сяду я

за стол, напечатаю пару страниц, или вот сейф открою, да хоть ящик своего рабочего стола, и нате вам, получите и распишитесь – все как на подбор ровно сто Лэнов, Катов, Гошей и Савов? Живые, только временно законсервированные, – они у меня в заначке сидели, часа своего дожидались. А тебе осталось их в микроволновку посадить минут на пятнадцать, разогреть, поперчить и можно к делу пристраивать, в работу пускать. Так?

– Ну, – мнется Лэн и тихо так, одними усами, посмеивается, – ты, Учитель, вроде как в голову мою заглянул и мысли там прочел. Да, я про тебя думаю, не совсем чтобы уж так, как ты изложил, но приблизительно.

– Я, конечно, Сказочник, – на полном серьезе возмущаюсь я, – но не до такой же степени! Нет у меня завода по производству мужичков. Нет и цеха. Даже маленькой мастерской нет! Тебе ли этого не знать?

– И что? Сегодня нет, значит надо открыть, чтобы завтра было! – раздалось за спиной. – Сколько можно ждать?

Оглядываюсь – Кат и Сав в гости пожаловали и, судя по реплике, слышали кусочек нашего разговора.

– Давайте к столу, – приглашаю я их и еще две чашки выставляю.

Расселись гости, отхлебнули по глотку, Сав и спрашивает.

– Как думаешь, Кат, кто бы мог работу эту на себя взвалить?

– А чего мне думать, – отдувается от горячего чая Кат, –

тут и ежу понятно. – А сам на меня глазами косит.

– Вы стрелки не переводите! – как-то незаметно я оказался один против троих. – В этой комнате не только я есть, не я один выступаю лицом заинтересованным.

– Как-то ты сегодня сложно говоришь, Учитель, – морщится Сав. – Мы что, простых слов не понимаем?

– Или вдруг чужими тебе стали? – добавляет Кат.

– Извиняйте, – поправляюсь я. – Просто у меня своих дел воз и маленькая тележка скопились. Их разгрести – времени не хватает. А тут еще вы со своим производством.

– Нашим, – поправляет меня Лэн.

– Ничего себе, скорострелы! – развожу я руками.

– Почему это мы скорострелы? – надулся Кат.

– А быстры стрелки на других переводить! – говорю я. –

Ваша идея, вам ее и в жизнь проводить.

– Да мы бы с великой радостью, – кивает Кат. – Сам знаешь, никогда от дел не бегали. Надо – значит надо.

– Так за чем же сейчас дело встало? Давайте, вперед и с песней!

– А за тем, Учитель, что мы с Савом... – Кат неожиданно замолчал, получив ощутимый толчок в бок.

– Мы проект один сейчас разрабатываем... предложение изучаем... в общем, не пытайте пока, – опять выкрутился и ничего не раскрыл Сав. – Получится, сами скажем, не получится, так и воздух сотрясать нечего.

– Хорошее хоть дело-то? – только и спросил Лэн.

– Хорошее, – кивнул Сав.

– Может быть даже героическое, – шепотом добавил Кат и искоса на Сава посмотрел – а сейчас, мол, он ничего лишнего не сболтнул?.

– Ну и удачи вам, – это уже я добавил. – А по мастерской что думаете? Думать-то вы можете вслух?

– Думать можем, – смеются мои мужички. – Только мы с Катом так считаем: Гош свое место нашел.

– Слава ему.

– Мы, надеюсь, тоже на что-то полезное сгодимся.

– И вам слава!

– На сегодня не при деле из нашей четверки один Лэн!

– Точно, Лэн, – подхватывает Кат. – Лучшего работника тебе и искать не надо.

– Он у нас человек ответственный и мастеровитый, – торговкой расхваливает товар Сав. – Все умеет.

– Спрос на мужичков большой?

– Не то слово, – говорю я, – огромный! Тетрадь заявок переполнена.

– Вот и мы про то.

– Кому как не Лэну мастерскую по производству мужичков открывать?!

– Кто налаживать производство будет?

– Лэн!

– А кто шить – кроить будет?

– Лэн!

– А обучать, в жизнь выпускать, к делу пристраивать?
На все эти вопросы звучит один короткий ответ:

– Лэн.

– Не много ли вы от него хотите? – встаю я на защиту.

– А что? – говорит Сав. – Есть другие варианты?

– Он вон как хорошо шьет! – хвалит Кат.

– Все наши платья кто смастерил? – спрашивает Сав.

– Кто выкройки делал? – не останавливается Кат.

– Кто нас трухой соломенной да мозговыми опилками набивал?

– Кто уму-разуму учил? Вон сколько всего набралось!

– А давайте, может быть, его самого спросим? – предлагаю.

Лэн молодец. Он отнекиваться не стал, и кивать на других не стал. Прищурил на минутку один глаз, потом другой и говорит:

– Помещение мне выделишь, Учитель?

– Большое или маленькое?

– А хоть с каморку твою в подвале!

– Выделю, – охотно соглашаюсь я. – Только не маленькую каморку в темном подвале, а большую комнату в своей квартире. Ну, хоть мою библиотеку!

– Да ну! – подпрыгивает от радости Сав. – Повезло тебе, Лэн! Светло, тепло!

– Машинка швейная есть, – заманиваю я. – И помощница первостепенная под рукой.

– Ага! Точно! – подхватил Кат. – Лэна, дочь Сказочника, шить и кроить такая мастерица! Тебе, Лэн, фору в сто очков даст!

– Будет у вас производственная компания, – за всех решает Сав.

– И назовете вы ее: Фирма «Лэн и Лэна», – с ходу придумывает Кат.

Лэн всех выслушал, выгоду наперед посчитал: предложение ему явно понравилось. Он уже практически мыслит.

– Инструментами и материалом поможешь? – спрашивает у меня.

– Да у Лэны целый мешок лоскутков, тряпочек, кусков кожи и лент! – успокаивает его Сав, – Сам видел! На сотню мужичков хватит!

– И ножниц, и игл, и клея! – вторит Кат.

– А чего не хватит, – добавляю я, – составишь список, все достану.

– Ну и лады. По рукам? – На том и порешили.

Обрадовался я такому повороту событий, что в доме моем, точнее, в квартире, производственная мастерская с шумом и гамом откроется?

Конечно же обрадовался! Мне так не хотелось, чтобы доченька, расставшись сначала с Гошем, а потом и с Савом, загрустила. Вот и пусть новое знакомство заводит. Лэн – мужичок покладистый, спокойный. Руки на месте. Глядишь, быстро общий язык найдут. И им веселее, и делу нашему польза.

Глава 2. Мастерская Лэна

Весь вечер мы с Леной готовили библиотеку к переезду Лэна.

Библиотекой эту самую большую комнату в нашей квартире мы называем потому, что три стены ее от пола до потолка занимают книжные шкафы и книжные стеллажи. Четвертая стена – это окно и балконная дверь. Есть еще одна дверь в уголке, входная-выходная – как без нее в библиотеку попадешь или на кухню за чаем сходишь?! А из мебели – сдвоенный письменный стол вдоль большей стены, диван и пара удобных кресел.

Вечером можно пользоваться люстрой, и тогда вся комната освещается как в яркий солнечный день. Но я предпочитаю настольную лампу, если пишу или читаю, и свечи, если слушаю музыку и отдыхаю.

Отдых у Сказочника немного отличается от отдыха у других людей. Отдыхая, я ничего не делаю руками или ногами, а вот голова моя в эти минуты усиленно трудится, – просчитывает и продумывает сюжеты новых приключений моих сказочных героев.

Первым делом мы с Леной освободили одну часть письменного стола от бумаг и книг. Занятие, скажу я вам, очень даже не простое. Мне все кажется, что каждая бумажка с моими пометками или набросками может понадобится ну пря-

мо вот через пять минут, а нужную книгу, убрав ее с глаз долой, я обязательно забуду прочитать.

Затем опустошили три ящика крайней правой тумбы, уплотнив и утоптав коленкой содержимое средней левой тумбы.

И в завершении разгребли наполовину книжный шкаф.

На столе Лэн и Лена будут шить и кроить, в ящиках стола можно хранить сырье и заготовки, лоскутки, ремни и замочки, а книжный шкаф использовать для сушки готовых изделий.

Мы с доченькой посчитали, что так лучше для производства – все рядом, все под рукой, не надо бегать из одного конца квартиры в другой конец, от одной заготовки к другой.

Единственный вопрос, который нам не удалось решить – вопрос с переездом швейной машинки в библиотеку. У нее в квартире свое законное место, – она на постоянной основе прописана в маминной комнате. Нам, конечно же, даже ради такого важного дела, как изготовление подпольных мужичков, не разрешили менять место прописки машинки. Но, по доброте и широте души мамы, было разрешено в любое время дня и ночи пользоваться ей.

– Сколько? – спросила Лена.

– Да хоть сколько!

– Спасибо, мам!

– Но! – немного охладили пыл дочери, – не забывайте каждый раз после работы смазывать вкусным машинным

маслом.

– А где оно?

– Вот масленка, – показала мама, – она всегда в этом ящичке стоит.

– Не забудем!

И на том спасибо, мы и этому рады.

Шить-то будет Лена, а ее комната как раз напротив маминой, ей и бегать далеко не придется. А я, вот ведь какая натура, даже немного обрадовался такому повороту событий – стрекот машинки не будет отвлекать меня от придумывательной работы.

А потом пришел Лэн.

Лена, на правах хозяйки и равного партнера, повела его в библиотеку.

Я пошел следом.

– Вот, – говорит дочь, – наши производственные мастерские, – и показывает стол, ящики стола и книжный шкаф, объясняя – что для чего предназначено.

На шкафу табличка висит. Лена, я и не заметил – когда, уже успела крупными буквами написать:

«Фирма ЛЭН и ЛЕНА»

– Располагайся, осваивайся.

Лэн за Леной ходит, каждую вещь руками трогает, ящики выдвигает-задвигает, книжный шкаф в углах обнюхивает.

– А это зачем еще? – любопытствую. Мне даже обидно немного. С чего это Лэн проверяет, не пахнет ли чем. Будто

мы ему грязное или просроченное подсунем. Да мы весь вечер тут!.. с мылом и порошком... вдвоем с Леной, понимаешь ли!

– Влажность! – говорит он и важно указательный палец вверх поднимает.

– Какая влажность?

– Производству нужна определенная влажность – соломенную труху и опилки выдерживать. При повышенной влажности плесень может завестись или, не приведи господь, червяки. Тебе понравится, Учитель, если в твоём животе чужие червяки без спроса поселятся и будут там ползать, как у себя дома?

Я только на миг представил себе такую картину, как меня сразу же передернуло.

– Нет, что ты! Конечно не понравится!

– И новым изделиям не понравится, – говорит назидательно Лэн. – А плесень в нашем деле самый главный враг. Чуть не уследил, и получишь производственный брак!

Понятно так все объяснил, и мне уже не обидно, а наоборот – я радуюсь, что Лэн к любой мелочи так строго относится. Настоящий директор фирмы.

– Я тебе обогреватель дам, – говорю ему, – и большой вентилятор с тремя разными скоростями, чтобы влажность твою плесенесотворительную в норме держать.

– КПП автомат или механика? – спрашивает Лэн.

– Чего КПП? – оторопел я от такого наглого вопроса.

– Скорости автоматически переключаются или в ручном режиме? – разжевывает мне вопрос Лэн.

– Ну, ты даешь! – начинаю я злиться. – Вентилятор – это что ли тебе автомобиль?

Лэн хитро смотрит на Лену и посмеивается – только сейчас доходит до меня, что мужичок просто шутит – у него с чувством юмора все в порядке, а я попался в его ловушку! И я начинаю смеяться вместе с ним.

– В ручном режиме, в ручном, – говорю сквозь смех, – пальцетыкательном.

– Вот за это спасибо, – благодарит Лэн и показывает мне большой палец.

– Завтра с утра можете начинать свою трудовую деятельность. А пока, – уже к Лене, – доченька, покажи Лэну всё остальное: другие комнаты, кухню, чайник и все-все. А ты, Лэн, осваивайся и будь как дома.

– Но не забывай, что ты в гостях, – с улыбкой продолжил присказку Лэн.

Вот что значит хорошее воспитание!

А тут, кстати, в библиотеку вкусный запах пирога залетел и следом за ним зазывательно-приглашательный голос мамы:

– Эй, производственная бригада! Перерыв на обед! Мыть руки и к столу!

Вовремя. Я только о чашке чая подумал. И гостя с дороги покормить не мешает. За столом обо всем остальном поговорим...

Вообще-то процесс производства подпольных мужичков не сложен. Любой из вас запросто справится.

Сначала Лэн придумывает образ подпольного мужичка. Точнее, читает очередную книгу про свое любимое время – жизнь в XIX веке или при царе Горохе. Помните? В «Недоросли».

Петрушка!

Вечно ты с обновкой?

С разодранным локтем. Достань-ка календарь!

Читай не так, как пономарь,

А с чувством,

с толком,

с расстановкой.

Так вот, читает себе, читает, вдруг как закричит:

– Во! Такой нам подойдет!

И тут же бегом к столу – рисует его, как ему видится: и лицо, и фигуру, и одежду. Долго пыхтит, каждую деталь вырисовывает, с текстом книги по сто раз сверяет.

Так завершается первый этап производства.

Рисунок Лэн отдает Лене.

С этого момента начинается второй этап производства.

Лена рисунок рассмотрит, задаст с пару десятков уточняющих вопросов:

– Рост какой?

– Вот такой, – покажет руками Лэн.

Лена измерит расстояние от стола до ладошки и в блокнот запишет.

– Волосы какие? – Лэн скажет, Лена запишет.

– Глаза?

И так далее, пока про все не расспросит. Даже про цвет и размер пуговиц!

И ну кроить и наметывать.

Глядишь, через денек одежда всякая: – штаны, рубашка, пиджак и разная другая мелочь готовые и отутюженные на вешалках висят, а внизу обувь стоит и хозяина своего дожидается. Даже шапка овечьим мехом наружу или картуз с блестящим козырьком уже сшиты.

Тут наступает время помощникам в работу включаться. Ответственный Ван за старшего, торопыга Хван на подхвате.

Специальной соломой, перемешанной в пропорции со ржаной трухой, готовую одежду набивают, по фигуре выправляют. Лена тут как тут: с ножницами и иголкой на изготовку стоит, ждет команды – если что-то не так, там подрежет, тут удлинит, здесь приталит.

И все.

И почитай, мужичок готов.

Остается... что же остается?

А самое главное остается!

Остается заполнить голову – набить ее мозговыми опилками.

К изготовлению мозговых опилок Лэн никого не подпускает – слишком уж дело тонкое! Тут у него своя метода и свой рецепт.

Мозговые опилки, это, скажу я вам, во всем мужичке самое главное. Именно от них зависит, каким выйдет продукт: качественным, полезно-разумным, или шаромыгой.

Ничего сверх-особенного в подпольных мужичках нет. Все точно так же, как и у людей.

Я вот иногда думаю. Вроде всё у нас у всех одинаковое: рук – у всех по две, ног столько же. И сердце есть у каждого, и душа. И мозги в голове по норме отвешены, нейроны мелкие поштучно просчитаны. А один – приятно на него глянуть и вдвойне приятно с ним поговорить, а от иного бежать со скоростью звука или космической ракеты хочется.

Долго Лэн состав мозговых опилок разрабатывал.

Для опытов и у себя малость достал, проанализировал, у Ката щепотку позаимствовал, Сав – мужичок с понятием, сам принес на блюдечке. А вот Гош далеко, у Гоша не возьмешь. Но и этих трех порций хватило ему для анализа и экспериментов.

Вывел он среднее значение, опять исследовал. Потом от Ката – рассудительности добавил, от Сава – любознательности, от себя – упертости и трудолюбия. Даже хотел у Сказочника немного попросить, для фантазейности. Но у Сказочников, оказывается, опилки в голове не той системы. Пришлось в своих рядах замену искать.

И вот, в результате всех этих исследований и экспериментов, у Лэна на полке в разных скляночках с притертыми крышками стоят мелко измельченные, жарко просушенные, слегка просоленные и совсем чуток поперченные: березовые, ольховые, сосновые, пихтовые и даже липовые опилки. Ну и некоторые другие.

Один Лэн знает, что ольховые опилки нужны мужичкам для понимания горечи; липовые – для общей полезности; капелька черемуховых опилок – для вкусности; настоящие дубовые – для крепости духа и стойкости характера; сосновые да пихтовые – для здоровья.

Это еще не все.

В конце работы, уже из особого туюска, добавляются две чайных ложки секретных (никому, даже Сказочнику про них не говорит) опилок, – это уже для умности.

Не думайте, что можно намешать сразу с мешок мозговых опилок и потом во всех мужичков одинаковую смесь стаканами или горстями заталкивать. Тогда мужички выйдут тоже одинаковыми. Не внешним видом, а характерами и поведением. Как механические машины, или роботы. Но нам не нужны роботы. Нам живые и думающие нужны – партнеры, помощники в нашем ответственном деле.

Поэтому Лэн каждый раз по иному опилки в расчетном количестве да в особом порядке добавляет. Строго по технологии перемешивает – минуту по часовой стрелке, две – против часовой, потом встряхнет пару раз, чего-то пошеп-

чет, живицы еловой ровно одну каплю для связки капнет, и следующую щепотку бросает. И каждую операцию в тетрадь записывает, чтобы не повториться.

Полученный продукт в чистую марлю завернет и на батарее в Васиной комнате один день и один час сушит.

Готово! Теперь любой – хоть Ван, хоть Хван, хоть даже я, может этими мозговыми опилками голову новому изделию набивать и в жизненное плавание выпускать.

Глава 3. Производственный брак

И стало у нас мужичков понемногу прибывать.

Делает их Лэн, в книжном шкафу высушивает, в голову специальных опилок наталкивает, дает выстояться, выучиться самому простому и мне на руки передает – для окончательной и тонкой доводки.

А для того, чтобы производство расширилось и количество выпускаемой продукции день ото дня росло, у него уже и два его верных помощника в мастерской на постоянной основе работают.

Ван и Хван.

Они пока еще ученики мастера, – подмастерья, – лица без полной материальной ответственности. Лэн им подробную инструкцию написал и на стене повесил. Что делать, как делать и в какой очередности. А для пущей уверенности заставил выучить наизусть и каждый день, перед допуском к работе, как молитву, повторять.

Во, какой строгий начальник!

Но ученики на него совсем не обижаются. Сами попросились. И любимая это работа, для них радостная, а не такая, которая по обязанности, на которой день прошел и ладно.

Живут подмастерья там же, в музыкальном доме. Ко мне добираются две остановки на трамвае, а потом еще немного пешком и последняя поездка – на лифте.

Вот эта часть их утреннего путешествия мужичкам больше всего нравится. Они даже иногда пораньше выходят, чтобы успеть вверх-вниз раз несколько прокатиться.

Один раз Лэн их застукал за таким веселым занятием. Утро, люди на работу спешат, а лифт туда-сюда, туда-сюда без остановок.

– Следующая остановка, – как в метро кричит Ван, – пятый этаж!

– Пятый этаж сегодня не ваш! Проехали! – вторит ему Хван.

– Следующая остановка десятый этаж!

– И десятый этаж не ваш!

– Опять мимо!

– Проехали!

Столпились соседи на лестничных площадках, переговариваются, сердятся потихоньку – кто это там у них время драгоценное крадет?

– А! Гости к Сказочнику прибыли?! Ну, мы ему пожалуемся!

Лэн не стал их ругать или как-то еще наказывать. Зачем? Он же начальник добрый. Он же умный. И справедливый.

Лэн всучил им ведро с водой, дал по тряпке, и, пока они весь подъезд с десятого по первый этаж с мылом и порошком до блеска не вымыли, к работе не допустил.

Теперь мужички не стесняются и пешком ко мне на пятый этаж бегать.

Уже, наверное, с месяц работало наше производство. Молодых мужичков аж пять человек стажировались.

Лэн теперь разрывался между моей библиотекой и музыкальным домом. В библиотеке надо за производством приглядывать, а в музыкальном доме обучаательно-воспитательной работой заниматься – новичков к жизни готовить.

Сегодня завершающий этап набивки двух новых изделий. Вот и дает мастер своим подмастерьям задание. Точнее – дает задание Вану, Хван рядом стоит, слушает.

– Делаем Чубука и Чубака.

– Который Чубук? – Ван спрашивает.

– Который Чубак? – Хван уточняет.

– Чубук в кепке, Чубак в шапке, – терпеливо объясняет

Лэн. – Повторить или запомнили?

– Чур Буки в кепке, – весело повторяет Ван и берет заготовку, как куклу, на руки, качает ее да напевает. – А-а-а! Этот мой будет!

– А Чур Баки в шапке, – вторую заготовку на руки Хван берет и вслед за Ванном повторяет: – А-а-а! Этот мой будет!

Лэн спокойно выждал, пока мужички набалуются, продолжил давать наставления.

– В этом мешке соломенная труха, – дальше инструктирует Лэн. – Чтобы не ошиблись, Лэна вам мешок надписала.

– Тру-ха, – читает Ван.

– Сломанная! – дурачится Хван. Но Лэна вывести из себя не так-то просто.

– Набьете ей мужичков. Только, смотрите, не перестарайтесь. А то в прошлый раз Пузыря таким толстяком сделали, он пошевелиться не мог. Пришлось ему вполовину вес убавлять.

– Так он же Пузырь! – смеется Ван. – Мы его пузырем и сделали.

– Пузырь-то Пузырь. Но не настолько же, что ходить не может!

– Это Ван предложил, – расплылся в улыбке Хван. – А давай еще, – говорит! А давай проверим – сколько в него влезет!

– А ты... а ты тоже... Толкай еще, пока не лопнет!

– Молчите и слушайте, – перебил их Лэн. – Во-первых, нехорошо ябедничать.

– Я не ябедничаю! – лыбится Хван. – Я его с потрохами сдаю!

– И сдавать друга тоже нехорошо.

– Я же тебе только сдаю, – оправдывается Хван, – а ты – свой. Ты же не скажешь Учителю? Ну, скажи – не скажешь?

– Не скажу.

– Я знал, что ты не ябеда!

– Набедокурили, умеете отвечать.

– А во-вторых что?

– Костюм для чего Лэна сшила? Для размера. Вот и выдерживайте размер.

– Выдерживать размер, – записывает задание Ван.

– А теперь самое главное, то есть, в-третьих. Кто из вас двоих старший?

– Я, – говорит Ван и пальцем себя в грудь тычет.

– Он, – говорит Хван и пальцем в плечо Вана тычет.

– Вот и не забывайте, пожалуйста. Со старшего я спрашиваю, а кто-то остальной старшего слушаться должен.

– Понял? – говорит Ван другу. – Ты галишь!

– Нет, ты!

– Я вам сейчас погалою, – приструнил Лэн. – Ведро с тряпкой за дверью стоят!

Это уже серьезно, можно на неприятности нарваться. Подмастерья на минутку притихли.

– Слушайте дальше! А ты, Ван, всё без ошибок записывай. Ровно в пятнадцать часов... записал? созреют мозговые опилки. Они у Васи в комнате на батарее сушатся. Там два марлевых мешочка. Один для Чубука, второй для Чубака.

– Кому какой, господин-товарищ директор?

– Нет разницы. Это братья-близнецы. Они во всем должны быть похожи.

– И вовсе непохожи! Мой в шапке.

– А мой в кепке!

– В этом и будет все их отличие, чтобы нам не запутаться.

Ровно в пятнадцать часов снимаете мозговые опилки с батареи, приносите сюда, остужаете до половины четвертого под вентилятором, и только после этого набиваете мужичкам головы.

– И... набиваем... мужичкам... – записывает в блокнот Ван.

– Голыми, – подсказывает Хван.

– Какими голыми? – чиркает в блокноте Ван. – Не сбивай меня! Го-ло-вы!

– В шестнадцать часов... пиши-пиши, не вертись, заканчиваете работу по набивке головы и ставите сушить готовое изделие вот на эту вот полку в шкафу.

– Кого первого ставить? – спрашивает Ван.

– Мой будет первый! – подпрыгивает Хван.

– А если мой первый?

– Кого первого наполните, тот и будет первым, – с умыслом отвечает Лэн. Это чтобы мужички ворон не ловили, с работой не затягивали и на часы почаще посматривали.

– Все понятно?

– Все понятно!

– Если вопросов нет, я ухожу.

– А если вопросы есть? – спрашивает Хван.

– Их задают, – говорит Ван.

– А если не задают?

– Значит, вопросов нет!

Попридураввшись таким образом, подмастерья проводили Лэна до двери и вернулись в библиотеку.

– Начинаем? – спросил Хван.

– А чего ты у меня спрашиваешь?

– Ну, ты же старший!

Ван почесал затылок, посмотрел на часы и придумал.

– Схожу за Лэной.

– Мой будет первым.

– И мой будет первым!

– Наши оба будут первыми! – тараторили Ван и Хван.

Под такие вихляния и споры они быстренько набили тела мужичков соломой и трухой.

– Лэн! Посмотри на моего Чур Бука! – просит Ван. – Хватит?

– Достаточно, – Лена надавила здесь, поправила там, утрамбовала в рукавах и заштопала дыру на животе Чубука.

– Лэн! Моего! Посмотри моего Чур Бака! – притопывает от нетерпения Хван. – А ему хватит?

И Чубаку после правки и трамбовки зашили нитками живот.

– Как понадоблюсь – зовите, – с этими словами Лена ушла в свою комнату.

– Неси мозговые опилки, – говорит Хван. – Ты главный!

– Я – старший, значит, я приказываю, а не ты! – наводит порядок Ван. – Это ты давай быстро носи мозговые опилки.

Хван в два прыжка оказался у двери.

– А сколько времени? Уже пора?

– Нет, не пора, – сразу поскучнел Ван. – Еще час ждать, и потом еще половину!

– Что будем делать?

– Читать!

– Нет бегать! Чур, ты галишь!

– А ведро с тряпкой не хочешь? Подъезд что-то некоторые давно не мыли.

– Ну вот, все настроение испортил!

Мужички пошли в комнату Васи и сели возле батареи. Они смотрели, как сушатся мозговые опилки и считали оставшиеся минуты.

– Долго еще ждать?

– Час и двадцать минут.

Хван нахмурил брови, подпер подбородок руками и начал считать.

– Раз, два... – А сейчас долго?

– Час и девятнадцать минут. Ты только что спрашивал!

Хван оторвался от созерцания батареи.

– Стрелки вообще на месте стоят. Умерли?

Теперь он смотрел на рыбок, плавающих в аквариуме.

– Эй, рыбки! А гребите быстрее! Ну? Давайте наперегонки!

Рыбки делали вид, что не слышат Хвана, и плавали неспешно.

– Сейчас я вас подгоню!

Хван забрался сначала на стол с аквариумом, потом на верхний угол аквариума и, закатав рукав, полез в воду.

– Давайте, на старт, внимание, марш!

Всей пятерней он сунулся в воду и начал подталкивать рыбок. Рыбки, вместо того, чтобы плавать наперегонки, броси-

лись науток и попрятались кто в кустах, а кто в больших раковинах.

– Ах, вы так?

И опять полез в воду, уже двумя руками.

Ладно бы сачком – тут и гупешки, и меченосцы привычные – раз в месяц Вася их из аквариума в трехлитровую банку пересаживает, когда воду меняет и аквариум чистит. А вот когда их руками ловят, неизвестно – когда еще с мылом мытыми, тут уж держись, то есть:

«Шухер! Спасайся, кто может!»

Брызги были аж до потолка.

А на батарее в это время...

И подмокли мозговые опилки.

Оба мешочка!

Откуда рыбкам знать, что рядом ответственная работа идет и подмоченные мозговые опилки – это вам совсем не пустяк.

А Ван и Хван куда смотрят?

На часы смотрят.

А надо было еще и по сторонам посмотреть и мокрые пятна вовремя обнаружить. Всего-то делов – перевернуть марлевые мешочки и лишних полчаса на батарее подсушить. Но, то ли торопились помощники и не углядели нарушения инструкции, то ли за планом погнались и рукой на такой пустяк махнули, только...

– Все! Пятнадцать часов! – повторил за кукушкой Ван и,

схватив мешочки с мозговыми опилками, полетел в библиотеку. – Мой будет первым!

– И мой будет первым!

И попали эти подмокшие мозговые опилки – кстати, самая важная во всех подпольных мужичках составляющая, в головы двум очередным изделиям производственного цеха.

Чубук и Чубак – так в сопроводительных документах значилось и на табличках, к их ногам привязанных. Там еще было написано: – дата изготовления, порядковый номер и ответственные за выпуск.

Чур Бук и Чур Бак – так их, дурачась, Ван и Хван обзывали. Знали бы они, как они почти угадали с именами.

Потому что из-за их халатности вышел производственный брак.

Но выявится он только спустя много дней.

Глава 4. Бук и Бяк

Как и положено по технологии, отстояли новые изделия в сушильном шкафу свой срок, остудились под вентилятором и перешли в первый подготовительный класс.

Лэн для них и для всех новеньких специальную программу разработал. Должны же они знать, как ходить, как со старшими разговаривать, как вести себя за столом и в гостях. Да мало ли чего для выхода в свет еще знать надо! Даже лампочку включать, руки с мылом помыть мы не с пеленок умеем, а по жизни учимся.

Только-то и разницы, что человек от рождения до первого класса аж долгих семь лет идет, а у подпольного мужичка и семи недель на такой длинный путь нет.

Вот такая плотная система обучения, прямо спрессованная. Каждый день – новые уроки и новые знания. И, стоит сегодня что-то не выучить, завтра повторять тебе не будут. У Лэна все просто, как говорится, ведро и тряпка за углом стоят, ждут нерадивого.

С легкой руки Вана и Хвана закрепились за новенькими мужичками-близнецами имена Чур Бук и Чур Бак. Правда, звали их не на манер Вана, произнося имя по слогам, а одним быстрым словом: Чурбук и Чурбак. Кое-кто даже подсмеивался, а то и поддразнивался:

– Смотрите, Чурбак Чурбука на привязи ведет!

Кто из нас в детском возрасте не любил побегать да попрыгать, а где-то немного и похулиганить. Не исключение и близнецы. Только почему-то у них игры и шутки все больше какие-то злые.

Все играют-бегают: – прятки там, салочки, чехарда или кондалы-раскованы, а эти им подножки ставят, спрятавшихся галящему выдают, и всяко разно другим игру портят.

Кончилось тем, что никто с ними теперь играть не хочет, в свою команду не берет.

Чурбук и Чурбак замкнулись. Сидят одни в дальнем углу, думу думают – как бы им внимание к себе привлечь? Чем бы еще таким выделиться?

– А давай...

После урока собрал Лэн у своих учеников тетради с домашними заданиями. Сел вечером проверять. В тетрадях Чурбука и Чурбака все страницы исписаны, пусть и с ошибками, а в остальных тетрадях все страницы густо-густо перечерканы – ни слова не разобрать. Хоть двойки ставь!

Принес Лэн загодя на урок новые учебники. А их стащили и в концертный рояль в актовом зале спрятали. Надо урок проводить, а как без учебников?

Пианист концерт начинает, по клавишам пальцами долбит, а рояль басит, играть не хочет. Открыли, а там!

Набежало народу! Директор Дома Музыки за голову хватается, валерьянку стаканами пьет.

Кто виноват, что концерт для стольких уважаемых людей

чуть не сорвали?

Лэн виноват! Его ученики безобразничают.

Или, еще пример.

Дает Лэн ученикам разные задания – не только уроки делать, но и как детям помогать, как их развлекать, как незаметно, через игру, уму-разуму учить. Все стараются, а Чурбуки все наоборот делают – как бы детей расстроить, плакать заставить.

– Смотри, Учитель, – показывает Лэн мне очередную проказу близнецов. – Прямо и не знаю, что с ними делать.

– Говорить пробовал?

– Пробовал.

– Наказывать пробовал?

– Пробовал.

– От сладкого отучал?

– Бесплезно, – отмахивается Лэн. – Я их от сладкого отлучаю, они у всех остальных сладкое перетаскают и одни съедят.

– Даже так? – задумался я.

– Может, коллектив сверстников на них плохо влияет? – строит догадки Лэн.

– Может, и коллектив.

– Подскажи, – просит помощи, – ты и по жизни опытнее, и мозговые опилки у тебя лучше наших. Что мне с ними делать?

Что делать? Что делать! Кабы всегда знать, что надо в тот

или иной момент делать, жизнь бы совсем по-другому складывалась.

И я много чего не знаю, и я не все умею. Но признать это перед своими мужичками, значит, проявить слабость, авторитет свой уронить. Не могу я на такое пойти. Должен, да да, должен уметь ответственность на себя брать.

Мне кажется, нашел я выход.

– Я их к себе возьму.

– Думаешь, вы с Лэной справитесь? – насторожился Лэн. – Ты, это, Учитель, не торопишься часом?

– Поживем – увидим, – отвечаю уклончиво.

Ну вот, опять я притащил в свой дом неизвестно что, точнее – неизвестно кого. И даже сам не знаю – зачем?..

В первый же день на новом месте Чурбук и Чурбак выждали, когда на кухне никого не оказалось, и поменяли сахар и соль местами. В банку с растворимым кофе черного молотого перца насыпали, а в молоко лимонной кислоты бросили, чтобы сразу кефир получился.

Мама на ужин зовет.

– Идемте к столу.

Все в очередь выстроились руки мыть, а эти двое отказываются.

– Мы, – говорят, – с дороги устали, у нас, – говорят, – живот болит, аж глаза слипаются, так спать хочется.

А сами из-за угла выглядывают, реакцию на их шутки ловят.

Сказочник в вопросах воспитания не одну собаку съел. Он первым попробовал сладкий суп, все понял и своим знаком подал, чтобы вида не показывали

Ужин прошел спокойно, без лишних вскриков и паники. А, когда из-за стола вставали, специально громко и много маму благодарили за вкусную еду.

Не поймут близнецы, почему их шутки не удались? Соль несоленая попалась? Или перец не жжет?

Чурбук ложку соли в рот отправил, проверить – тьфу, – солонущая!

Чурбак перца щепоть хватанул – ай-яй, – исплевался.

Задумались проказники, но не успокоились.

На следующий день кошку Рыську в холодильник колбасой заманили и на весь день там закрыли. Еще и стулом дверь придавили для верности. Хорошо, у Рыськи шуба неснимаемая, и зимой и летом при ней, а то бы замерзла мурка, в ледышку превратилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.